

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, МЕМУАРЫ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЖАНРОВ*

Статья посвящена проблеме взаимодействия дневникового и эпистолярного жанров с мемуарной прозой писателей-эмигрантов первой волны. В центре внимания автора анализ композиционно-художественных и стилистических особенностей писательских дневников и писем, ставших основой сюжетов и лабораторией художественных образов литературных книг воспоминаний и мемуарных циклов.

Ключевые слова: мемуарная проза, жанр, метажанр, авторская оценка.

Давно установлен и общепризнан факт жанрового многообразия мемуарной прозы, ее особого синтетического характера. В последнее время ученые склонны видеть в мемуарном повествовании присутствие признаков метажанра, по мнению Н. Лейдермана, сочетающего в себе «некие общие конструктивные принципы, присущие ряду родственных жанров» [1]. По утверждению Т. М. Колядич, «мемуары определяются как сложная структура, в которой соединяются элементы лирической повести, биографического повествования, литературного портрета или некоторые другие» [2]. При этом устойчивыми жанрообразующими доминантами в мемуаристике по-прежнему остаются «память» и «субъективность», отраженные и преображенные в художественном слове.

Жанр дневника особенно близок писателям-мемуаристам, но все же не может отождествляться с мемуарами, хотя их взаимодействие и взаимопроникновение находит подтверждение в текстах. Дневник писателя представляет собой «особую жанровую модификацию» [3], включающую записи повседневного характера, выписки из прочитанных книг, фрагменты переводов, исторические и литературные наброски, опыты исповедального типа и т. п. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что дневниковые записи писателей могут выполнять функцию художественно-стилистического приема, композиционно организующего мемуарное повествование.

Однако при определении художественной совместимости необходимо учитывать индивидуальные особенности жанров: дневник почти всегда ориентирован на настоящее, относительно автора, время, мемуары — обращены к прошлому. Написание мемуаров требует длительной подготовки, осознания, обдумывания прошедших событий и воспроизведения их с учетом изменившейся со временем авторской оценки. Дневниковые записи — почти мгновенная реакция на происходящее. Автору дневника не обязательно вспоминать, но достаточно видеть и зафиксировать увиденное. Писательский дневник, запечатлевший действительность с детальной точностью, хронологической последовательностью, служит своеобразной лабораторией будущих образов и сюжетов и в большей степени имеет право называться документом, в отличие от литературных мемуаров, признанных художественными документами эпохи.

Мемуары отделены от произошедших событий значительным временным отрезком, поэтому даже хорошая память мемуариста не всегда способствует

* © Кознова Н.Н.

точности их воспроизведения. В таком случае на помощь приходит художественное воображение, красочно дорисовывающее картину прошлого. И все же каждый мемуарист стремится к большей достоверности, объективности и в процессе создания мемуаров часто обращается к дневниковым записям прошлых лет. Даже самые краткие повседневные записи, объемом в одно, два предложения, заставляют интенсивнее работать память и воображение пишущего, помогая воссоздавать правдивую картину жизни.

Именно так строит свои воспоминания Э. Гиппиус в книге «Серое с красным» (Дневник. 1940–1941 гг.). Стоит заметить, что многие мемуары писательницы изданы под общим названием «дневник», но далеко не всегда представляют собой действительно ежедневные записи. Например, значительная часть вышеназванной книги восстановлена, по свидетельству самого автора, по кратким записям, сделанным несколько месяцев назад. *«Не знаю, как эти два месяца описать, как удастся. — Признается Гиппиус. — <...> Но с помощью серенькой книжки и сухого стиля отчетности постараюсь все восстановить»* [4: 274].

Далее писательница цитирует записи, когда-то произведенные ею бегло, без комментариев, значительно дополняя их воспоминаниями и выражая новое отношение к давно пережитому. Например, первичная запись имела такой вид: *«С войной — очень плохо»*. В окончательном варианте книги ее значительно расширили пояснения-воспоминания: *«Все уже было готово у нас к отъезду... (из Парижа в Биарриц, в эвакуацию. — Н.К.). <...> Бомбардировка продолжалась долго. Из окна кухни (где нет ставень) мы видели огонь и дым пожаров за Auteuil... <...> Вечерние газеты успокаивали (фальшиво, как всегда, но мы им все верили и лишь потом мы узнали, что разрушений было довольно, что заводы “Пежо” и “Ситроен” сгорели, много убитых в частных домах)»* [4: 274].

Вспоминая, Гиппиус точно воспроизводит даты происходящих событий, так как их полностью сохранили первичные дневниковые записи: *9 июня, 13 июня, 22 августа* и т. д. Все записи снабжены комментариями, которым в свою очередь сообщено современное авторское видение проблемы. Например, вслед за воспоминаниями следует уточнение: *«Напрасно стараться записать и описать все эти сумасшедшие дни, начиная с 10 июня, выступления Муссолини, весь этот Апокалипсис, когда и в книжке у меня почти нет отмет, кроме: “Тяжелый ужас”. “Париж будет сдан”. “Завтра, как обещал Гитлер, т. е. 15 июня, он входит в Париж”»* [4: 276]. Автор заявляет о своем нежелании продолжать восстановление «дневника-воспоминания», так как не видит перемен в окружающей жизни, но при этом предоставляет слово газете: *«Пусть газетные вырезки dokonчат мое историческое повествование, до сегодняшнего дня, а дальше я к старому времени уже не вернусь...»* [4: 277].

Так, на страницах дневниково-мемуарной прозы появляется публицистика, которая тоже носит дневниковый характер, поскольку информирует о событиях происходящих ежедневно, замещая в этом случае автора-повествователя. Однако Гиппиус не ограничивается простой вклейкой вырезок в тетрадь, а так же снабжает их собственными комментариями: *«Газеты наполнились статьями покаяния, — все, мол, пропало, кроме чести (??). И действительно, почему “кроме чести!”»*... [4: 276]. Или: *«...Газеты продолжали свое “Confiance!” (“доверьтесь” — фр.) И что Вейган имеет план наступления, а Париж*

будет защищаться улица за улицей, дом за домом... если, мол, немцы, против ожидания пойдут к Парижу. Такова сила вдалбливания одного и того же, при скрывании другого, да еще неверие в небывалое и нежеланное...» [4: 274].

Итак, воспоминания Гиппиус о пережитых событиях военного времени 1940–1941 гг. строятся на основе сделанных предварительно кратких записей, которые в масштабе всей книги разворачиваются в сюжетное повествование о прошлом, философско-публицистические размышления о настоящем времени, судьбах близких писательнице людей и мира в целом. Дневниковые записи позволяют установить точную хронологию событий, стимулируют память пишущего, способствуют аналитическому восприятию произошедшего. Включение в текст материала газет, правительственных заявлений, живых бесед с людьми на улицах, наблюдений очевидцев придают тексту документально-исторический характер. Авторские комментарии выявляют активную жизненную позицию пишущего, существенно дорисовывая его внутренний облик.

Структура дневника лежит в основе мемуарно-публицистической книги И. А. Бунина «Окаянные дни». До настоящего времени не существует единого мнения ученых по поводу жанра данного произведения. Необходимо пояснить, почему эту книгу мы считаем отчасти мемуарной. Обратимся к истории ее создания. Первоначально писатель, действительно, вел дневниковые записи, находясь в Москве и Одессе 1918–1919 гг., но не имел возможности публиковать их, хотя и придавал своему дневнику общеисторическое значение. В его записях одесского периода имеется такое замечание:

«12 апреля (старого стиля).

Уже почти три недели со дня нашей гибели.

Очень жалею, что ничего не записывал, нужно было записывать чуть не каждый момент. <...> Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили...» [5: 45].

Таким образом, по замыслу писателя, записи предназначались широкому кругу читателей и были обращены не только к современникам, но, прежде всего, к тем, кто придет после (к детям и внукам), т. е. писатель реализовывал, по сути, творческую задачу мемуариста: сохранить в памяти информацию о прошлом и передать ее будущим поколениям. Оказавшись в эмиграции, Бунин получил возможность опубликовать дневниковые записи в периодической печати (1921–1925 гг.), а позже (1935 г.) осуществить и отдельное издание книги, хотя биографы писателя утверждают, что работал он над ней до конца жизни. Дневниковый материал тщательно обрабатывался, переосмысливался Буниным, на ежедневные записи накладывали свой отпечаток как воспоминания, так и события текущей современности. В результате книга приобрела историко-публицистический и мемуарный характер.

Одним из главных стиливых приемов в бунинской книге является антитеза, прошлое и настоящее постоянно сравниваются по принципу: «было — стало». То, что «было», сохранила память, то, что «стало» запечатлели дневниковые записи. Противопоставление двух эпох (до революции и после) отразилось на создании почти всех художественных образов книги: Москвы, Одессы, России в целом, жизни отдельных персонажей и самого автора.

Россия (Москва) прошлых лет виделась автору-повествователю в блеске солнца и куполов, восхищала величественными зданиями, нарядной публикой на улицах. В новое время о былом напоминала лишь древняя архитектура

Кремля и еще ненарушенный подмосковный пейзаж: *«С горы за Мясницкими воротами — сизая даль, груды домов, золотые маковки церквей. Ах, Москва!»* [5: 31]. В тяжелые революционные дни автору становилась ближе отечественная история: *«Великие князья, терема, Спас-на Бору, Архангельский собор — до чего все родное, кровное и только теперь как следует почувствованное, понятое!»* [5: 32].

Москва послереволюционная — грязная, нищая, устрашающая действиями новой власти — отталкивала. Бунин писал: *«Великоленные дома <...> реку визируются один за другим. Из них вывозят и вывозят куда-то мебель, ковры, картины...»* [5: 39]. *«На углу Поварской и Мерзляковского два солдата с ружьями. Стража или грабители? И то и другое»* [5: 33]. На площади перед Николаевским вокзалом *«множество мужиков, солдат в разных, в каких попало шинелях и с разным оружием — кто с саблей на боку, кто с винтовкой, кто с огромным револьвером у пояса... Теперь хозяева всего этого, наследники этого колоссального наследства — они...»* [5: 31], — подводит печальный итог повествователь.

Под давлением гнетущей действительности прошлое у Бунина приобретает мифологическую окраску, превращаясь в «красивый сон», «золотой век». Дневниковые записи, напротив, возвращали к реальности и в то же время усиливали антитезу «было — стало»: *«Двенадцать лет назад мы с В. приехали в этот день в Одессу по пути в Палестину. Какие сказочные перемены с тех пор! Мертвый, пустой порт, мертвый, загаженный город...»* [5: 45]. Эти строки звучат в диссонанс с прежними пейзажными зарисовками портового южного города, например, в путевых заметках «Тень птицы» (1907–1911 гг.): *«С тревожным и радостным чувством спустился я с одесской горы в этот постоянно волнующий меня мир порта — в этот усеянный мачтами город агентств, контор, складов, рельсовых путей, каменного угля, товаров»* [6].

Бунинский текст буквально пестрит воспоминаниями о том, что произошло с ним лично или чему он был свидетелем от нескольких месяцев до нескольких лет тому назад: *«Меня в конце марта 1917 г. чуть не убил солдат на Арбатской площади — за то, что я позволил себе некоторую свободу слова...»* [5: 46]. *«Десять месяцев назад ко мне приходил какой-то Шпан <...> и предлагал мне быть моим импресарио...»* [5: 47]. *«И еще вспомнилось. Москва, конец марта позапрошлого года...»* [5: 61] и т. д. Присутствие в тексте записей такого характера позволяет говорить об «Окаянных днях» не только как о дневниковой, но и мемуарной книге.

Несмотря на кажущуюся непредсказуемость, ассоциативность подобных воспоминаний, они вызваны к жизни современными писателю событиями и связаны с их осмыслением. Например, краткая запись в дневнике: *«Газеты зовут в поход на Европу»*, — требует дополнительного комментария, и Бунин вновь обращается к прошлому: *«Вспомнилось: осень 14 года, собрание московских интеллигентов в Юридическом Обществе...»* [5: 75]. Другое писательское воспоминание также связано с дневниковой записью от 21 апреля 1919 г.: *«В сущности всем нам давно пора повеситься, — так мы забиты, замордованы, лишены всех прав и законов, живем в таком подлом рабстве, среди непрестанных заушений, издевательств!»*. Далее писательские рассуждения приобретают мемуарный характер: *«Вспомнился мерзкий день с дождем, снегом, грязью, — Москва, прошлый год, конец марта»*. На улице похоронная про-

---

цессия и горько плачущая старуха. На вопрос писателя, был ли умерший ее родственником, ответила: «Нет... Чужой... *Завидую...*» (курсив И. А. Бунина) [5: 61]. В данном тексте дневниковые и мемуарные записи взаимно дополняют друг друга, при этом одна жанровая форма плавно перетекает в другую.

Важно, что многое в бунинской книге восстановлено по памяти благодаря дневниковым записям. Например, эпизод о доставленной ему когда-то в деревню телеграмме, был включен в повествование после произошедшего неприятного случая на Поварской улице в Москве, зафиксированного в дневнике писателя в 1918 году. Случайно встретившийся Бунину пьяный солдат громко выкрикнул: «— *Деспот, сукин сын!*» [5: 28]. Задумавшись над словом «деспот», сказанном в его адрес, писатель вспомнил другую историю: «...*Зима 16 года в Васильевском...*» [там же]. Ночью пришла телеграмма, содержание которой было весьма незначительно по сравнению с тяготами, перенесенными в пути «*измалковской бабой Махоточкой*», обычно доставлявшей почту. В ней друзья-литераторы сообщали писателю: «*Вместе со всей Стрельной пьем славу и гордость русской литературы!*» [5: 23]. В дневнике Бунин горько иронизирует по поводу своего «деспотизма» и «потребительского» отношения к простому народу (двадцать верст везла эту телеграмму простая женщина, «*сжавшись от холоду и огненного ветра*»). Подлинное же, гуманное, отношение писателя к простым людям общеизвестно и не требует доказательств.

Таким образом, мемуарные заметки в книге Бунина «Окаянные дни» — не только сохраненная память о прошлом, но и ключ к пониманию современных писателю событий. Дневниковые записи хронологически организуют воспоминания, помогают осмыслить, подвергнуть анализу, сопоставить прошлое и настоящее, а в результате, приводят к выводам общеисторического характера. («Святейшее из званий» звание “человек” опозорено, как никогда» [5: 91]; «Революция — стихия...» Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются» [5: 63]; — «Народ сам сказал про себя: “Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона”, — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев» [5: 56] и др.).

Итак, с позиции композиционного построения, дневник — ведущая форма в структуре «Окаянных дней», с точки зрения содержательной — он был бы неполным без авторских комментариев и включений мемуарного характера, поэтому дневниковый текст в бунинской книге находится в равных смысловых соотношениях с мемуарным. Дневники и воспоминания не только дополняют, но и заметно усиливают смысловое значение друг друга.

Вторым по частоте сближения с мемуарами можно назвать эпистолярный жанр. Сами письма, выдержки из них, ссылки на факты, приведенные в письмах, мемуаристы охотно вводят в свое повествование. Взаимодействие мемуарного метажанра с жанром эпистолярным многофункционально. Во-первых, письма, содержащие описания прошедших событий, участвуют в создании мемуарного сюжета, а включенные в них характеристики современников способствуют раскрытию внутреннего мира мемуарных героев. Во-вторых, цитируемые мемуаристами письма в отдельных эпизодах могут существенно менять монологическую речь повествователя, превращая ее в диалог, полемику, беседу, корректируя при этом авторскую точку зрения. В-третьих, включение в мемуарный текст писем главных героев в полном объеме и даже целыми цик-

лами позволяет мемуаристу избежать резко субъективных оценок событий и персонажей. Так, например, в книге З. Шаховской «Отражения» очерки-воспоминания о Ремизове, Бунине, Цветаевой, Замятине, Ходасевиче, Адамовиче, Тэффи и других современниках мемуаристики завершаются целым каскадом их писем, адресованных автору, что способствует введению двухчастной композиции, представляющей героев «извне» (с позиции автора) и «изнутри» (с позиции самих персонажей).

Письма, включенные в мемуары, не только свидетельствуют об исторических событиях как свершившемся факте, но и хранят образы «героев своего времени». В них «оживают» голоса давно ушедших из жизни людей: именно эпистолярный стиль способен передать неповторимые интонации и акценты пишущего. Письма, созданные в переломные моменты истории, повествующие об эпохальных явлениях, даже на бытовом уровне, касающиеся только частной жизни людей, все же обладают ценностью документа. Не случайно М. Осоргин, избравший формой своей публицистически-мемуарной книги эпистолярный жанр («Письма о незначительном», 1940–1942 гг.) сосредоточил внимание именно на повседневной, будничной жизни своих соотечественников, оказавшихся свидетелями и участниками грандиозной исторической битвы — Второй Мировой войны. Осоргин утверждал: *«Исторические моменты эффектны, слова нет; ими отмечаются этапы в учебниках, им приписываются отличия столетий и эпох. Но жизнь строится из повседневных кусочков, которые лепятся друг к другу и один на другой без лишнего шума и ненужной суеты. Без малого не на чем вырасти великому...»* [7]. Действительно, за такой «незначительной» повседневностью писателю открывались факты общечеловеческой значимости.

Письмо или даже ссылка на него в мемуарном тексте нередко становится завязкой нового сюжета, началом другой истории. Так, З. Шаховская в своих мемуарах поведала о зарождении своей большой дружбы с И. А. Буниным. Причиной первой встречи с писателем стало письмо-приглашение от правления «Русского клуба» в Брюсселе, задумавшего устроить банкет в честь Нобелевского лауреата. Позже Шаховская вспоминала, что именно после этого вечера Иван Алексеевич ей *«начал присылать свои книги с надписями и для отзыва», а иногда и письма...»* [8]. Некоторые выдержки из этих писем мемуаристка приводит в тексте своей книги. Необходимо отметить, что включение в мемуарный текст писем предоставляет автору воспоминаний большую свободу в выборе жанровых и повествовательных форм, использовании языковых средств, позволяющих передать подлинный стиль своих адресантов.

Все, перечисленные выше свойства эпистолярного и дневникового жанров были хорошо известны писателям-мемуаристам и находились в полном согласии с их желанием рассказать «о времени и о себе», не придерживаясь строгих рамок и условностей какой-либо одной жанровой системы, чем и объясняется частое включение писем и дневников в мемуарную прозу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейдерман Н. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е годы. — Свердловск, 1982. — С. 32.
2. Колядич Т. М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. Монография. — М., 1998. — С. 8.

3. Антюхов А. В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика) — Автореф... дисс... док. филол. наук. — Елец, 2003. — С. 18.

4. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников. — М., 2005. В скобках страницы указаны по этому изданию.

5. Бунин И. А. Окаянные дни: Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. — Тула, 1992. В скобках страницы указаны по этому изданию.

6. Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1965. — Т. 3. — С. 314.

7. Осоргин М. В тихом местечке Франции. Письма о незначительном. — М., 2005. — С. 237.

8. Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. — М., 1991. — С. 203.

N. Koznova

DIARIES, LETTERS, MEMOIRS: ON THE ISSUE OF ON INTERACTION OF GENRES

The article is devoted a problem of interaction of diary and epistolary genres with memoirs prose of writers-emigrants of the first wave. In the centre of attention of the author's the analysis of composite-art and stylistic features of literary diaries, letters, the memoirs records which have become a basis of plots and laboratory of literary books of memoirs and memoirs cycles.

Key words: memoirs prose, genre, metagenre, author's estimation.